

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Н. Н. Тарусина

Е. А. Исаева

**Гендер: нейтрализация
и позитивная дискриминация**

Учебное пособие

Рекомендовано

*Научно-методическим советом университета
для студентов, обучающихся по направлению Юриспруденция*

Ярославль
ЯрГУ
2013

Надежда Тарусина

**Гендер: нейтрализация и
позитивная дискриминация**

«БИБКОМ»

2013

УДК 347.6(075.8)
ББК 67.400я73+67.404.4я73

Тарусина Н. Н.

Гендер: нейтрализация и позитивная дискриминация /
Н. Н. Тарусина — «БИБКОМ», 2013

ISBN 978-5-8397-0943-0

В учебном пособии дается характеристика предпосылок гендерной проблематики, основные гендерные аспекты российского законодательства, раскрываются сущность и проявления дискриминации. Главы 1 и 4 подготовлены профессором Н. Н. Тарусиной, 2 и 3 доцентом Е. А. Исаевой.

УДК 347.6(075.8)
ББК 67.400я73+67.404.4я73

ISBN 978-5-8397-0943-0

© Тарусина Н. Н., 2013
© БИБКОМ, 2013

Содержание

Глава 1. Равенство и неравенство: гендерный аспект	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тарусина Н. Н., Исаева Е. А.

Гендер: нейтрализация и позитивная дискриминация

Глава 1. Равенство и неравенство: гендерный аспект

Категории равенства и тем явлениям, которые она обозначает, присущи популярность и популизм, ясность и неопределенность, формализм и креативное начало, относительное постоянство и историческая изменчивость.

В качестве философских, социологических и теоретико-правовых предпосылок принципа равенства можно принять несколько положений.

Равенство в «обычно словарном» толковании означает полное сходство, подобие по значению, положению, качеству и т. п., его социальный контекст предполагает положение людей в обществе, обеспечивающее их одинаковые политические, гражданские и другие права¹.

Традиционно **равенство** исследуется во взаимодействии с категориями **справедливости** и **свободы**. «Анамнез» этой «болезни» прослеживается от Аристотеля и Платона, юристов Древнего Рима до мыслителей эпохи Просвещения (Вольтера, Монтескье, Руссо) с ее Декларацией прав человека и гражданина от 26 августа 1798 г. («люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» – ст. 1) и далее – к идеям классового, либерального, эгалитарного и других «разновидностей» принципа равенства людей, граждан, трудящихся, социальных групп, обществ и государств XIX, XX и начала XXI в.² С утверждением гуманизма и просвещения в новое и новейшее время триада «справедливость – свобода – равенство» «приобрела обаяние человеческого облика; новый тип справедливости, – подчеркивает В. В. Козловский, – основывается на принципе эквивалентности, равноценности и консенсуса»³.

(Сразу следует оговориться, что попытки, даже в самом первом приближении, осмысления соответствующих восточных идеологий и юриспруденций не последует. Восток – дело тонкое ... Аналитика «диалога глухих» между ним и Западом в наши планы не входит как по объективным, так и по субъективным причинам.)

Современное западное общество – это эгалитарное общество, в основу идеи эгалитарной справедливости которого заложена великая христианская идея о равенстве всех перед Богом⁴.

Однако равноправие лишь один из моментов справедливости, но еще не сама справедливость, отмечает В. Вольнов, подобно тому, «как возможность – момент свободы, но еще не сама свобода; одинаковость прав не значит равным образом пользоваться этими правами»⁵. Иными словами, продолжает автор, критикуя либеральное понимание равноправия, «либерализм упрямо не хочет признавать в теории то, что уже давно признали мудрые из римлян и многие вслед за ними: *summum jus – summa injuria*. Или лучше так: равное право – высшая

¹ См., например: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1999. С. 6; Большой энциклопедический словарь. СПб., 1997. С. 985.

² О генезисе идеи равенства см., например: Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород, 2004. С. 14 и след.; Макаренко В. П. Политическая концептология. М., 2005. С. 129 и след.; Вольнов В. Феномен свободы. СПб., 2002. С. 199 и след.; Гринберг Л. Г., Новиков А. И. Критика современных буржуазных концепций справедливости. Л., 1977. С. 14 и след.; Чернов К. А. Принцип равенства как общеправовой принцип российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 16 и след.

³ Козловский В. В. Универсум справедливости: социальное измерение // Экономика и общество. Проблемы социальной справедливости. СПб., 2005. С. 17.

⁴ См.: Кашников В. Н. Указ. соч. С. 39–40.

⁵ Вольнов В. Указ. соч. С. 185.

несправедливость. ... Если один момент справедливости – моральность – требует равноправия, то другое – свобода – требует ограничить это равноправие»⁶. Тем не менее значение равенства тем больше, чем хуже жизнь людей, членов конкретно-исторического общества, перед провозглашением равенства социальной и политической ценностью⁷.

Справедливость имеет смысл только там, подчеркивает В. Н. Кашников, где имеют место отношения, объективно требующие меры и пропорции; необходимости в справедливости не может быть, если все в избытке или все абсолютно недостаточно⁸. В этом плане становится бессмысленной и идея равноправия.

Следование правилу простого («строгого») равенства, кроме приобретения реалий несправедливости, еще и нежизнеспособно, абстрактно. Так, если один индивид имеет определенное количество благ, остальные должны иметь столько же, тогда, доводя данный принцип до логического конца, придется требовать уничтожения тех благ, которые невозможно разделить поровну (или же устанавливать специальные, не всегда, кстати, возможные, правила пользования этими благами); равенство «в чистом виде тождественно виноградникам и кладбищам»⁹.

Равенство, как и всякое иное явление, имеет «пару», то есть существует в единстве с неравенством. Это не изолированные друг от друга противоположности, несущие в себе раз и навсегда данные одному положительный, другому – отрицательный заряд: первое отнюдь не всегда обеспечивает справедливость и согласие, а второе – несправедливость и конфликт. Напротив, равенство может быть источником несправедливости и конфликтов, а неравенство – согласия и справедливости¹⁰.

Дихотомии справедливости, многомерной и универсальной, достаточно очевидны: деяние и воздаяние, вина и карапреступление и наказание, взыскание и поощрение, вклад и вознаграждение, право и бесправие, закон и беззаконие и, наконец, равенство и неравенство¹¹.

Полагая личность порождением социума, можно интерпретировать неравенство как неравноценность условий развития, несправедливость, ущемление естественных человеческих прав, создание искусственных социальных барьеров и т. д. Полагая же личность активным творцом социума, можно рассматривать неравенство как социальное благо, способ выравнивания стартовых позиций, поддержания потенциала выживания, социальной активности и т. п.¹². «Имея разные точки отсчета, – отмечают Ю. Г. Волков и И. В. Мостовая, – мы получаем по одному и тому же критерию (справедливости) альтернативные выводы: во-первых, неравенство несправедливо, так как все люди имеют равные права; во-вторых, неравенство справедливо, так как позволяет дифференцированно и адресно компенсировать социальные затраты разных людей»¹³.

Представление о справедливости как относительно адекватной системе неравенства наглядно демонстрируется в конструкциях «каждому – по потребностям», «свободу сильным – защиту слабым» и т. п., в которых альтернативные социальные требования проявляют общее стремление к «парадоксальному (дифференцированному) равенству»¹⁴. Избежать внутренней противоречивости и взрывоопасности справедливости можно исключительно через процедуры диалога и социального компромисса¹⁵.

⁶ Там же. С. 199.

⁷ См.: Макаренко В. П. Указ. соч. С. 147.

⁸ См.: Кашников В. Н. Указ. соч. С. 42.

⁹ Подробнее критику соответствующих взглядов см.: Макаренко В. П. Указ. соч. С. 141 и след.

¹⁰ См.: Гофман А. Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства // СоцИс. 2004. № 7. С. 24–25.

¹¹ См.: Козловский В. В. Указ. соч. С. 16.

¹² См.: Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Социология. М., 1998. С. 199–200.

¹³ Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Указ. соч. С. 200.

¹⁴ Там же. С. 204.

¹⁵ См.: Козловский В. В. Указ. соч. С. 17.

Право как один из архиключевых регуляторов общественных отношений, применяя равный масштаб к разным людям лишь в относительно сходных ситуациях, является в этом смысле одновременно и справедливым и несправедливым (что, впрочем, не выделяет его с этой точки зрения среди большинства социальных феноменов). По мысли С. С. Алексеева, феномен нормы, «характерной для права, в том и состоит, что при ее помощи в общественную жизнь вносятся существенные элементы единства, равенства, принципиальной одинаковости: вводимый и поддерживаемый юридическими нормами порядок распространяется в принципе "на равных" на всех участников общественных отношений»¹⁶. Любая норма, в том числе правовая, устанавливает такой масштаб, который далее конкретизируется различными способами – от обычного исполнения до специального (специализированного) правоприменения. Будучи явлением предельно сложным¹⁷ и вбирая в себя богатство цивилизации, право не сводится лишь к общности масштаба поведения. Хотя и последний признается в юриспруденции не только формально равным, но и социально справедливым, отражающим автономную свободу личности¹⁸.

Выявляя сущность права, пишет В. С. Нерсесянц, среди прочего важного обнаруживается принцип формального равенства, который представляет собой единство триады – «всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости»¹⁹. Разумеется, правовое равенство является результатом «абстрагирования от фактических различий, присущих уравниваемым субъектам правовой формы общения»²⁰. Последние независимы друг от друга, но одновременно одинаково подчинены в правовых отношениях единой общей норме регуляции²¹. Равенство, продолжает автор, имеет рациональный смысл, логически и практически оно возможно в социальном мире именно и только как правовое (формально-правовое, формальное) равенство, фактическое же равенство есть «величина иррациональная», «фантазм»²². Только благодаря своей формальности равенство и становится измерителем всей «внеформальной» действительности.

Именно в этом смысле верно суждение римских юристов: «Закон говорит со всеми одинаково» (*lex uno ore omnes alloquitur*). Оно уже много веков составляет, с точки зрения теоретиков права²³, как бы синоним принципа юридического равенства.

«История права, – замечает В. С. Нерсесянц, – это история прогрессирующей эволюции содержания, объема, масштаба и меры формального (правового) равенства при сохранении самого этого принципа как принципа любой системы права, права вообще»²⁴. Тем не менее очевидно, что формальное равенство не абсолютно, а относительно, даже в абстрактном смысле; оно, подчеркивает В. С. Нерсесянц, «не столь абстрактно, как числовое равенство в математике... очищенное от качественных различий»²⁵.

Исследуя теоретико-правовые аспекты правового равенства, М. Н. Козюк приходит к выводу, что последнее имеет свою внутреннюю структуру. К ее составляющим относятся соб-

¹⁶ Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 87–88.

¹⁷ О сущности права см., например: Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985. С. 7 и далее; Алексеев С. С. Теория права. М., 1993. С. 51 и след. Системный анализ многообразия взглядов на право см.: Карташов В. Н. Теория правовой системы общества. Т. 1. Ярославль, 2005. С. 76–95.

¹⁸ См.: Явич Л. С. Указ. соч. С. 37; Алексеев С. С. Теория права. С. 56–57.

¹⁹ См.: Нерсесянц В. С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // СоцИс. 2001. № 10. С. 4.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ Там же.

²² Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1997. С. 19.

²³ См., например: Карташов В. Н. Указ. соч. С. 115; Ершов В. В. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права. М., 2010. С. 156.

²⁴ Нерсесянц В. С. Сравнительно правоведение: либертарно-юридическая концепция // Ежегодник сравнительного правоведения. 2001. М., 2002. С. 11.

²⁵ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 53.

ственно формально-юридическое равенство (1), равноправие (2) и равная защита перед законом (3). Первая характеристика сводится к обозначенному ранее и общеизвестному качеству права как единого всеобщего масштаба и является исторически первой ступенью равенства. Вторая фиксирует равенство прав и обязанностей и требует, чтобы все субъекты права имели равные юридические возможности для участия в жизнедеятельности общества. Третья более других относится к области реализации права и характеризует процедурные механизмы равноправия²⁶.

Правовые равенство и неравенство как парные категории в одинаковой степени противостоят **фактическим различиям** между людьми²⁷. Последние, анализируемые с точки зрения абстрактного формального равенства, неизбежно приводят к фактическому неравенству. «Равная мера регуляции отношений различных субъектов предполагает, – отмечает В. С. Нерсесянц, – что приобретаемые ими реальные субъективные права будут неравны. Благодаря праву хаос фактических различий преобразуется в правовой порядок равенств и неравенств, согласованных по единому масштабу и равной мере»²⁸.

Поскольку различительным характеристикам субъектов правовых отношений несть числа (в тех, разумеется, пределах, которые не подрывают их человеческой сущности), постольку проблема приближения к гармонии: равенство как всеобщая абстрактная возможность обладать определенным правовым статусом и неравенство как особенная возможность обеспечения равенства для различных типологических групп субъектов, а то и индивидуума, – бесконечна в движении к своему решению. (Лишь бы вектор этого движения соответствовал поставленной цели.)

К основным типологиям, о чем свидетельствуют положения большинства конституций правовых государств, относятся раса, вера, политические убеждения, пол, возраст, обстоятельства рождения, имущественное положение.

В правовых системах и внутри каждой из них – в отдельных отраслях права – типологические характеристики субъектов как объектов правовой регуляции проявляют себя в законодательстве и юридической практике существенно различным образом – и количественно, и содержательно.

Некоторые авторы, на наш взгляд, явно либо упрощают, либо «искривляют» проблему. Так, например, В. С. Нерсесянц отмечает, что современная российская юридическая практика предполагает не менее четырех существенно автономных статуснофункциональных правовых групп: одной условно всеобщей, двух особенных и одной единичной; первая состоит из всех физических лиц, первая особенная представлена лицами-инвалидами, обладающим относительно низким абстрактным правовым ресурсом, вторая особенная – юридическими лицами, обладающими более высоким правовым ресурсом (по сравнению с физическими лицами), единичная состоит из «особых» юридических лиц – олигархов. Отношения внутри групп, продолжает автор, являются, по общему правилу, «формально-равными», между группами – «формально-неравными»²⁹.

Полагаем, что с помощью такого подхода происходит смешение «льва с яичницей» и «трепетной лани» сами знаете с кем. Впервые, не вполне ясно, что понимает автор под современной юридической практикой: всё законодательство, правореализацию, правоприменение и т. д. или только часть «всего»? Однако и в том и в другом случае (особенно во втором варианте) выраженных и смешанных групп (например, лиц со «связями») явно на порядок больше. Во-вторых, правовые ресурсы физических (включая лиц с ограниченными возможностями) и

²⁶ См.: Козюк М. Н. Правовое равенство (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 13–15.

²⁷ См.: Нерсесянц В. С. Философия права. С. 20.

²⁸ Там же.

²⁹ Нерсесянц В. С. Правовой принцип формальной справедливости (регулирование формально-правовых отношений // Государство и право. 2012. № 4. С.103.

юридических лиц не могут сравниться при помощи шкалы «более низкий – более высокий». Они просто качественно различны: в такой ситуации количественные характеристики не имеют смысла. Что касается «олигархов», то их правовой ресурс воистину специфичен, однако в контексте узко трактуемой юридической практики. Однако, кроме них, есть и другие «тимуры с командами»: например, команда Президента, группа суперзвезд шоу-бизнеса (до сих пор работающая с «черным налом» и весьма приблизительно уплачивающая налоги), группа творческих деятелей (Н. С. Михалков и К), обладающая «правовым ресурсом», в чем-то сопоставимым с «олигархами» и т. д. и т. п. Наконец, «правовой ресурс» лиц с ограниченными возможностями также нельзя оценивать в показателях «высокий – низкий», ибо в нем присутствуют весьма специфические компоненты, включая и такие, уже совершенно особенные, как, например, право участвовать в параолимпийском движении (известно, что именно россияне здесь потрясающе сильны).

Для обеспечения деятельности тех субъектов права, которые призваны выполнять некие особые функции (депутатов, госслужащих разного типа, судей, работников особо вредных производств и т. д.) предусматриваются и особые элементы правового статуса (депутатский иммунитет, жилищные льготы, повышенная пенсия, специальный пенсионный возраст и т. п.). Для граждан, обладающих определенными личностными «спецификациями» (беременная женщина, пенсионер, инвалид, ребенок-сирота и т. д.), устанавливаются льготы по данному основанию (декретный отпуск, льготы по оплате услуг ЖКХ и проезду на транспорте, пособия, преимущества при поступлении в ВУЗ и т. п.).

«Льгота, – пишет А. В. Малько, – это правомерное облегчение положения субъекта, позволяющее ему полнее удовлетворять свои интересы и выражающееся как в предоставлении дополнительных, особых прав (преимуществ), так и в освобождении от обязанностей»³⁰.

Так как равенство должно быть имманентно присуще современному праву (в самых различных контекстах его содержания), при нормативных отступлениях от него законодателю следует действовать предельно осторожно, вводя только безусловно необходимые ограничения и льготы. Они должны соответствовать поставленной конкретной цели, а не появляться как следствия конформизма («так сложилось исторически», «принято в цивилизованных странах» и т. п.) или необоснованного лоббизма. Льготы должны коррелироваться с ограничениями (например, перечень привилегий для госслужащих – с их ограничениями в частной жизни; льготы для армии, милиции, таможни и др. – с экстремальными условиями работы): в таких случаях нужно руководствоваться принципом римского права – *qui sentit commodum senture debet et opus* (тот, кто приобретает преимущество, должен принять на себя и обязанность)³¹.

В условиях развития мировой цивилизации в целом, что, естественно, составляет базисную константу проблемности нашего жития и дискуссионности его научного осмысления, все эти характеристики нуждаются в постоянном внимании. Однако развитие, усиленное реформированием политической системы и гражданского общества, в нашем случае – российского, соответственно вносит (или должно вносить) существенные коррективы в систему взаимодействия с политикой, моралью и законодательством явлений равенства и справедливости, построенных с учетом национальных, возрастных, имущественных и гендерных аспектов.

Поскольку разорвать это взаимодействие можно только формально, мы, осуществляя эту формализацию, не смогли и не сможем уйти от некоторой аналитики и иных факторов, кроме гендерного.

Совершенно очевидно, что гендер не есть только женский вопрос. Этим понятием обозначается совокупность социальных норм поведения людей в зависимости от пола. Как отмечает Н. Л. Пушкарева, в западной науке нет единства взглядов по вопросу о том, считать

³⁰ Малько А. В. Льготная поощрительная правовая политика. СПб., 2004. С. 64.

³¹ См.: Козюк М. Н. Указ. соч. С. 21–22.

ли гендер «мыслительным конструктом», то есть просто научной дефиницией, определяющей социальнокультурные функции пола и различающей их от функций биологических, или же «конструктом социальным». В последнем случае предполагается, по меньшей мере, четыре группы характеристик: биологический пол, полоролевые стереотипы, полоролевые нормы и полоролевая идентичность. Соответственно используются понятия «гендерного дисплея» или «гендерной системы» (как менее «заумного»), под которыми подразумеваются «идеи, институты, поведение, формальные и неформальные правила и другие социальные взаимодействия, предписываемые в соответствии с полом»³². При этом в российской социологической науке признак пола – в отличие от западной, где акцент традиционно делается на биологических, психологических и культурологических различиях полов, – «изначально социален, так как личность, независимо от ее пола, рождается и развивается (если, конечно, это не «маугли») в социуме, в многообразной системе социальных связей и отношений»³³.

Особая «взбудораженность» гендерной темы в 70–90-х гг. XX в. (как очередной виток актуальности – после этапов конца XIX – начала XX в.) породила новые направления исследований. Так, появилась история женщин – изначально как своеобразная попытка «переписать историю» или, с точки зрения Э. Дэвин, стремление преодолеть почти абсолютную доминанту старой истории, сопровождавшееся готовностью заменить общеупотребляемый термин «history» (который можно прочесть и как «his story», дословно: «его история», «история мужчины») новым термином, характеризующим иной подход к изучению прошлого, а именно термином «her story» (то есть «ее история», «история женщины») ³⁴. Однако постепенно толкование содержания понятия «гендер» изменилось в направлении рассмотрения его не в плане концептуализации мужского доминирования, а как системы всех форм взаимодействия и «взаимоотталкивания» мужского и женского начал. Изучение феминности стало невозможно без анализа маскулинности – «женская история» неминуемо встретила с «историей мужской» ³⁵.

Традиционными объектами стали **социально-экономические** аспекты гендерно-исторических исследований. Более или менее очевидно проявились перспективы гендерного подхода к исследованиям **политической истории**: история маргинализации женщин, их борьбы за политические и гражданские права и свободы, аналитика форм «скрытого воздействия на политику и неявно маркированного политического поведения женщин» (еще до актуализации «женского вопроса» и суфражистского движения). Но наиболее перспективными, полагает Н. Л. Пушкарева, являются гендерные исследования в области культурологии, истории ментальностей и общественного сознания³⁶. В **социологии** появились исследования **маскулинности**, в лингвистике – **гендерной асимметрии** и т. д.

Актуализировались гендерные исследования в **психологии**³⁷. Так, психологи отмечают, что разделение людей на мужчин и женщин является центральной установкой восприятия нами различий, имеющих в психике и поведении человека. Причем многие из них эти различия связывают с генетическими, анатомическими и физиологическими особенностями мужского и женского организма, хотя и не сводят их к исключительной доминантной роли – помимо конституциональной стороны эти различия имеют социокультурный контекст: они отражают то, что в данное время и в данном обществе считается свойственным мужчине, а что – жен-

³² Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 79.

³³ Подробнее об этом см., например: Силласте Г. Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // СоцИс. 2004. № 9. С. 78.

³⁴ Цит. по: Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 77–78.

³⁵ См.: Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 79.

³⁶ Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 84.

³⁷ См., например: Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб., 2005; Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001; Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2002. И др.

щине. Существует точка зрения, что наше восприятие биологических различий между полами тоже определяется культурными факторами (например, со времен античности до конца XVII в. в Европе преобладало представление, что женский организм является недоразвитым вариантом мужского). Если бы такое видение биологических различий сохранилось до сегодняшнего дня, отмечает Д. В. Воронцов, «то с учетом знаний о человеческой природе мы были бы более склонны считать мужской организм модификацией женского»³⁸. Однако в эпоху Возрождения взгляды изменились: мужчины и женщины были признаны полярно различными по своей природе организмами – с этого момента различия в социальном статусе стали предопределяться различиями в биологическом статусе.

В последнее время, – продолжает Д. В. Воронцов, – стало принятым четко разграничивать указанные аспекты, связывая их с понятием пола и гендера («пол» описывает биологические различия, определяемые генетическими особенностями строения клеток, анатомо-физиологическими характеристиками и детородными функциями; «гендер» указывает на социальный статус и социально-психологические характеристики, которые связаны с полом и сексуальностью, но возникают из бесконечной совокупности отношений между людьми»³⁹

³⁸ См., например: Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. СПб., 2003. С. 27 и след. (Автор главы – Д. В. Воронцов.)

³⁹ Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. (Автор главы – Д. В. Воронцов.) С. 29.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.